

«Чужая» речь в свете корпусных данных*

© 2018

Вера Исааковна Подлесская

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993,
Российская Федерация; Российская академия народного хозяйства и государственной
службы, Москва, 119571, Российская Федерация; vi_podlesskaya@il-rggu.ru

В статье рассматриваются прагматические, грамматические и просодические параметры, лежащие в основе противопоставления двух стратегий цитирования чужой речи, известных как прямая и косвенная речь. На материале просодически размеченных корпусов личных рассказов количественно и качественно описаны массово наблюдаемые в устном дискурсе отклонения от прототипической прямой и прототипической косвенной речи. Речевые события, зарегистрированные в корпусе, были упорядочены по степени экспликации речевого события (от большей к меньшей): цитационная конструкция с прямой речью > цитационная конструкция с косвенной речью > описание речевого события без введения чужой речи > отсутствие речевого события в тексте. Сравнение устных версий рассказов, записанных в ходе элицитации, и письменных версий тех же рассказов, записанных информантами самостоятельно, показало, что чужая речь в устной версии рассказов цитируется чаще, чем в письменной, и с большей степенью экспликации.

Ключевые слова: грамматика, корпус, косвенная речь, прагматика, просодия, прямая речь, устный дискурс

Reported speech through the lens of corpus data**Vera I. Podlesskaya**

Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian
Federation; Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, 119571, Russian Federation; vi_podlesskaya@il-rggu.ru

The paper investigates pragmatic, grammatical, and prosodic parameters that differentiate between direct and indirect speech, the two main strategies used to report what someone else said. Based on data from prosodically annotated corpora of personal stories, the study provides a qualitative as well as a quantitative analysis of non-prototypical cases of reported speech massively represented in Russian informal spoken discourse. Speech events registered in the analyzed data were checked against the scale of explication (from the maximal to the minimal): citation with direct speech > citation with indirect speech > description of speech event without reported speech > no mention of the speech event in the text. Comparing elicited spoken versions of personal stories with their written versions put down later by the same speakers allowed to conclude that in spoken stories, reported speech is used more often and with a higher degree of explication than in written stories.

Keywords: corpus, direct speech, grammar, indirect speech, pragmatics, prosody, spoken discourse

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 17-18-01184. В основу просодических разделов этой статьи лег доклад, прочитанный автором на конференции «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Диалог-2017». Выражаю искреннюю признательность слушателям, принявшим участие в его обсуждении. Благодарю также анонимного рецензента журнала «Вопросы языкознания» за проникательные замечания; я по мере сил постаралась их учесть.

1. Постановка вопроса

Данная работа посвящена явлению цитации, или включению так называемой «чужой» речи в текущее повествование; основная ее цель — на корпусном материале уточнить, с помощью каких языковых средств в русском неподготовленном дискурсе реализуется известное в грамматической традиции противопоставление прямой и косвенной речи.

Феномен цитации не обделен вниманием лингвистов, достаточно назвать такие фундаментальные коллекции работ, как [Coulmas (ed.) 1986; Janssen, van der Wurff (eds.) 1996; Güldemann, von Roncador (eds.) 2002; Buchstaller, van Alphen (eds.) 2012; Buchstaller (ed.) 2013], с их широким охватом языков и теоретических подходов и внушительной библиографией. Типология цитации детально исследовалась в трудах А. Ю. Айхенвальд [Aikhenvald 2008; 2011a; 2011b], систематизировавшей возможные параметры внутри- и межъязыкового варьирования цитационных конструкций. Разнообразие средств, грамматикализирующих противопоставление прямой и косвенной речи в языках мира, и в первую очередь разнообразие форм индексального сдвига (грамматически детерминированных правил выбора дейктических элементов, англ. *indexical shift*) было продемонстрировано Н. Эвансом [Evans 2013].

В этих и многих других работах высказывалась и эмпирически подтверждалась точка зрения, согласно которой канонические случаи прямой и косвенной цитации формируют концы шкалы, промежуточные значения на которой связаны с действием разнородных факторов. Как было убедительно продемонстрировано Е. В. Падучевой [1996a; 1996б], центральными для этой шкалы являются прагматические факторы, противопоставляющие диалогический (в других терминах — коммуникативный, или речевой) и нарративный режимы. Переход к косвенной речи сопровождается редукцией свойств диалогического режима — в первую очередь наличия эгоцентрических (ориентированных на актуального говорящего) дейктических и модальных элементов. Прагматические противопоставления реализуются через грамматику и лексику, а также просодию (в устной речи) и графику (в письменной речи). На русском устном корпусном материале скалярный подход к описанию цитационных конструкций впервые систематически был применен в рамках коллективного исследования [Литвиненко и др. 2009]. Я в значительной степени опираюсь на сформулированные в этой работе положения и терминологические решения. В частности, вслед за [Литвиненко и др. 2009] я буду использовать термин «цитационная конструкция», считая, что последняя состоит из собственно цитации — отрезка дискурса, передающего чужую речь, и авторской ремарки, центральным элементом которой в прототипическом случае является глагол речи¹.

Я использую материал корпуса «Веселые истории из жизни» из электронной коллекции «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи» [SpokenCorpora 2013]. Корпус содержит 40 устных монологов (аудиофайлы с синхронизированными просодически размеченными транскриптами; респонденты от 18 до 60 лет; около 10 000 словоупотреблений), а также письменные версии этих же рассказов, самостоятельно записанные авторами спустя несколько дней после записи устной версии (около 7000 словоупотреблений). Исследуемый корпус предоставляет уникальный материал для сравнения дискурсивных стратегий — в том числе стратегий цитации — в устной и письменной речи именно потому, что включает и устные и письменные версии рассказов одного и того же говорящего, основанные на одном и том же сюжете. В ходе настоящего исследования были проанализированы все эпизоды отражения речевого события в составе нарратива, обнаруженные в корпусе: 164 эпизода в устном подкорпусе (далее в тексте — примеры с индексом «FS-sp») и 117 эпизодов в письменном подкорпусе (примеры с индексом «FS-wt»); конструкции с глаголами мысли, чувства и им подобные остаются за рамками данного исследования.

¹ В живой речи авторская ремарка часто подвергается сильной редукции: глагол речи может замещаться непредикативными дискурсивными элементами (ср. термин «new quotatives», использующийся применительно к маркерам типа английского *like* в [Buchstaller, van Alphen (eds.) 2012; Buchstaller (ed.) 2013]) или вовсе опускаться.

Дальнейшее изложение строится следующим образом. Сначала, по необходимости кратко, будут рассмотрены прагматические параметры противопоставления прямой и косвенной речи и задокументированные в корпусе прототипические случаи прямой и косвенной речи, в которых прагматические параметры полностью согласуются с лексико-грамматическими и просодическими (раздел 2). Далее я продемонстрирую обнаруженные в устном подкорпусе случаи рассогласования прагматических и лексико-грамматических параметров (раздел 3) и прагматических и просодических параметров (раздел 4). В разделе 5 будут подведены промежуточные количественные итоги. В разделе 6 я сравню способы оформления «чужой речи» в устном и письменном подкорпусах «Веселых историй из жизни». Количественные данные этого сравнения и общие выводы приводятся в разделе 7.

2. Прямая и косвенная речь: канонические случаи

Главное прагматическое свойство прямой речи состоит в том, что цитация формирует самостоятельную иллокуцию. Вследствие этого все дейктические элементы цитации ориентированы на внутреннюю коммуникативную ситуацию, а не на внешнюю ситуацию нарратива, в который интегрирована чужая речь (я буду использовать рабочий термин «прямой дейксис»). Другим важным следствием иллокутивной самостоятельности цитации представляется отсутствие ограничений на тип иллокуции: в прототипических случаях прямой речи возможны типы иллокуций, отличные от сообщения (вопросы, обращения, восклицания, директивы).

В прототипических случаях прямой речи лексико-грамматические свойства цитационной конструкции согласуются с прагматическими, что приводит, в частности, к тому, что в составе цитации становятся возможными так называемые «явления главного предложения» (*main-clause phenomena*), или, согласно важному уточнению, сделанному Е. В. Падучевой [1996а: 299], «явления предложения, которому соответствует отдельный речевой акт». С грамматической точки зрения конструкции, в состав которых входят явления главного предложения, обладают свойством синтаксической неподчинимости (ср. также близкий термин «*root phenomena*» в [Lobke et al. (eds.) 2012] и обширную библиографию там же). К таким явлениям относятся средства выражения субъективной модальности, экспрессивные диалогические элементы, реактивные реплики и проч. Ср. обнаруженные в исследованном корпусе конструкции, обладающие свойством синтаксической неподчинимости, и, как следствие, неперебиваемые в режим косвенной речи:

- вопросы, вводимые дискурсивным маркером *а* (*А где здесь сервис-центры?; Ну а вы не можете сказать?*);
- восклицания, вводимые междометиями (*Ой, какие попугайчики!*);
- вопросы с клитизированной частицей *-то* (*Чего вообще случилось-то?*);
- звуковые имитации (*Бэ-э!*); интродуктивные формулы (*Так вот: ...*);
- дискурсивные повторы (*Очень много значит. Очень.*) и др.

В устном дискурсе в прототипических случаях прямой речи с прагматическими свойствами цитационной конструкции согласуются и просодические. Имеются данные инструментальных исследований (см., например, для английского языка [Jansen et al. 2001], для современного иврита [Kalmanovitch 2015]), показывающие, что при прямой речи цитируемый фрагмент имеет более широкий диапазон частоты основного тона, чем при косвенной речи; кроме того, при прямой речи обнаруживаются более продолжительные паузы перед цитируемым фрагментом. Это убедительно свидетельствует о том, что прямая цитация просодически менее интегрирована в текущий дискурс.

Аналогичных количественных данных для русского языка у нас нет, однако качественный анализ наших корпусных данных также говорит о том, что прямая цитация просодически более автономна, чем косвенная. Во-первых, для выражения иллокутивных значений в прямой цитате используются те же стандартные коммуникативно-просодические паттерны,

что и в независимых иллокуциях в диалогическом режиме: в частности, быстрый подъем в высокий регистр по типу ИК-3 в терминологии интонационных конструкций [Брызгунова 1982] для выражения общего вопроса, подъем с последующим выравниванием и падением по типу ИК-5 («шляпа») для восклицания и т. п. Во-вторых, авторская ремарка и цитация реализуются как две отдельные коммуникативно-просодические составляющие, каждая со своим фразовым акцентом. Препозитивная авторская ремарка к тому же обычно реализуется с падением тона в главном фразовом акценте по типу ИК-1 в той же терминологии интонационных конструкций, то есть со стандартным для русского языка маркером просодической завершенности, что создает уникальную дискурсивную коллизию: просодическая реализация не проецирует продолжения, но в то же время наличие предиката речи с незаполненной валентностью, напротив, предполагает дальнейшее развертывание дискурса².

Следующие два примера иллюстрируют согласование всех параметров в прототипическом случае прямой речи. В примере (1) в составе цитации — личный дейксис, ориентированный на внутреннюю коммуникативную ситуацию, и две иллокуции, отличные от сообщения: обращение и аппелятивная реплика (запрос внимания) *вы знаете*. Кроме того, сообщение вводится маркером «поворота повествования» [Урысон 2011] — частицей *а*, что обеспечивает сообщению статус синтаксически неподчинимого и не переводимого в режим косвенной речи (ср. **сказал, что а у вас шапка провалилась*). Авторская ремарка имеет собственный фразовый акцент (на глаголе *сказал*), который реализуется с падением тона по типу ИК-1, формируя тем самым отдельную коммуникативно-просодическую составляющую:

- (1) FS-39-sp³
65. .. человек —
66. стоящий \сзади,
67. — \сказал ей:
68. «\Девушка@,
69. вы /знаете,
70. а у вас .. /шапка провалилась в –капюшо-он.»

² О пунктуационном знаке двоеточия, который проецирует на письменную речь эту коллизию как в цитационных конструкциях, так и в конструкциях с обобщающим словом перед перечислением, см. [Подлесская 1987]; об общих возможностях пунктуации как средства передачи просодии см. [Кобозева, Захаров 2014].

³ Индекс примера содержит отсылку к ярлыку текста в составе корпуса; номера строк соответствуют нумерации строк в рассказе. Об используемой системе дискурсивной транскрипции см. [Кибрик, Подлесская (ред.) 2009; SpokenCorpora 2013]. Для правильной интерпретации просодической нотации в приводимых примерах достаточно знать, что текст разбивается на строки, каждая из которых соответствует элементарной дискурсивной единице (ЭДЕ) — минимальному кванту дискурса, целостность которого задается единым рематическим акцентом; движение тона в акцентированном слове указывается перед словом иконически с помощью косых черт; ударный слог в слове — носитель фразового (рематического) акцента подчеркивается; значимые движения тона в заударных и предударных слогах обозначаются иконически с помощью вертикальных стрелок; незавершенность открытого списка обозначается в транскрипте многоточием на границе иллокуции и знаком «,,» (три запятых) внутри иллокуции; речевой сбой маркируется знаком «==» на границе иллокуции и знаком «||» внутри иллокуции. Паузы обозначаются с помощью точек (абсолютные) и символов «'», «э», «м» (заполненные). Редуцированные фрагменты отражаются в транскрипте в полной орфографической форме (*говорит, человек*, а не *грит, чек*), но выделяются менее насыщенным цветом, чем основной шрифт. Существенно, что в отличие от письменной речи, где решение об использовании двоеточия и кавычек принимает говорящий (пишущий), при документировании устной речи решение об использовании двоеточия и кавычек принадлежит транскриберу. Согласно конвенции, принятой для [SpokenCorpora 2013], кавычками обрамляются те цитации, в которых использован прямой дейксис и/или имеются явления главного предложения, двоеточие используется перед цитацией, заключенной в кавычки, в тех случаях, когда авторская ремарка имеет собственный рематический акцент.

Сходным образом, с падением тона на глаголе речи, реализована авторская ремарка в строке 54 в примере (2). Кроме того, в цитации в строке 55 использован паттерн, типичный для эмпазы — удлинение и тональное искривление слога — носителя главного фразового акцента [Янко 2008: 83–97], см. слог *ве-е* в составе слова *Медве-едева* (рис. 1). Очевидно, что подобное просодически выраженное значение эмпазы делает невозможным перевод этой иллокуции в режим косвенного цитирования. Замечу также, что если коннектор *к тому же* допускает перевод в режим косвенной речи (*говорит, что к тому же она землячка...*), то комплекс *и еще к тому же* — с начальным «не собственно сочинительным» *и* — его не допускает, то есть представляет собой явление главного предложения (**говорит, что и к тому же она землячка...*):

- (2) FS13-sp
 52. ... А /потом .. ну такая /пауза,
 53. /тишина,
 54. и он \говорит:
 55. ... «И /ещё .. к /тому же .. она /землячка /\u041c\u0435\u0434\u0432\u0435-\u0435\u0434\u0435\u0432\u0430!»

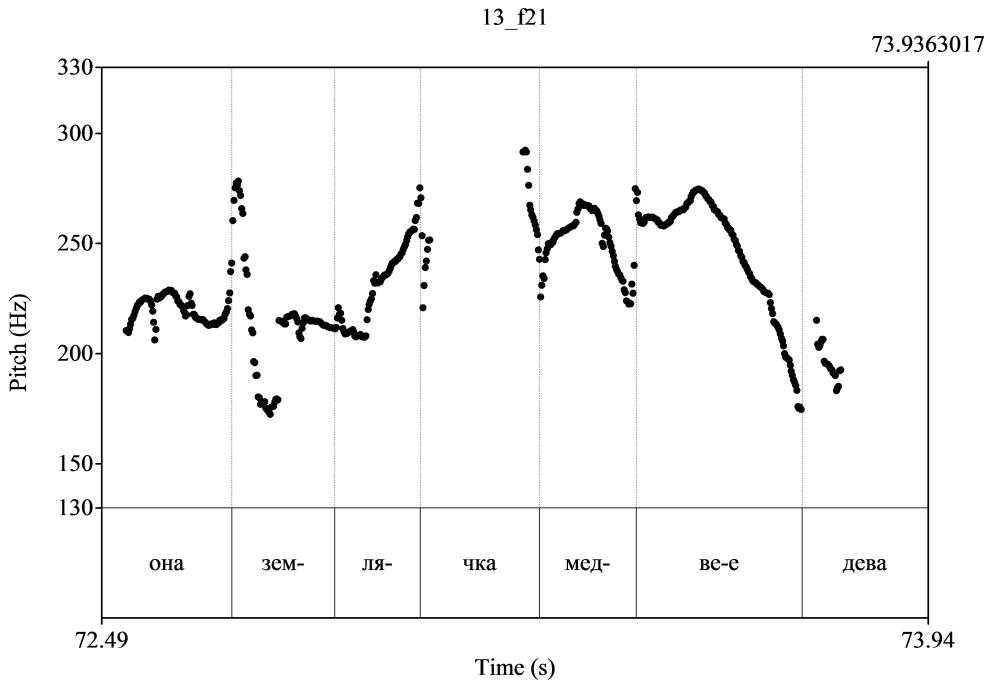

Рис. 1. FS13-sp: *землячка Медведева*⁴

Обратимся теперь к цитационным конструкциям в формате косвенной речи. Их главное прагматическое свойство состоит в том, что авторская ремарка и собственно цитация образуют единую иллокуцию. Вследствие этого все дейктические элементы цитации (личные, временные, пространственные) ориентированы не на внутреннюю коммуникативную

В транскрипте разрешены разные знаки до и после завершающих кавычек: до кавычек — иллокутивный знак цитируемого фрагмента, после — знак внешнего нарратива. Если внешний знак — точка, то для экономии места сохраняется только внутренний знак.

⁴ Просодический анализ и графическое представление тонограмм выполнены в программе [Praat].

ситуацию, а на внешнюю ситуацию нарратива, в который интегрирована чужая речь (для таких случаев я буду использовать рабочий термин «косвенный дейксис»).

Другое важное следствие иллюкутивной несамостоятельности цитации заключается в том, что в состав цитации не могут быть непосредственно встроены типы иллюкуции, отличные от сообщения: мы имеем дело не с речевыми актами вопроса, директива, обращения и т. д., а с сообщениями о них; такими сообщениями являются, в частности, косвенные вопросы и косвенные директивы. В прототипическом случае лексико-грамматические свойства таких конструкций согласуются с прагматическими. Цитация в формате косвенной речи грамматически строится как сентенциальный актант вводящего предиката. Такой сентенциальный актант оформляется по тем же моделям, что и другие сентенциальные актанты в данном языке: может вводиться комплементаризером (в русском это союзы *что* и *чтобы*), может требовать ограничений на грамматические формы предиката (например, так называемого согласования времен, как в английском и других европейских языках), или ограничений на порядок слов (например, заключительной позиции глагола, как в немецком языке), а также особых маркеров индексального сдвига (в частности, логофорических местоимений, как, например, во многих нигеро-конголезских языках) и т. д. В отличие от прямой речи, косвенная цитация, как и другие сентенциальные актанты, допускает выдвижение — например, вопросительного слова, ср. правильное *Что, мама сказала, я должен купить?* и неправильное **Что мама сказала: «Купи»?*

Далее, в косвенной речи в состав цитации могут быть внедрены дискурсивные маркеры, связанные с развертыванием внешней речевой ситуации: показатели речевых затруднений (повествователя, а не «внутреннего» говорящего!), аппроксиматоры (*мол, тупа, как бы* и др.), которые нужны, чтобы показать, что чужая речь приводится не *verbatim*: ее форма, а часто и смысл, преподносятся в редакции повествователя. Явления такого рода отражают текущий процесс речепроизводства и не могут интерпретироваться как исходно принадлежавшие цитируемому фрагменту.

В прототипических случаях косвенной речи с прагматическими свойствами цитационной конструкции согласуются и просодические. Как уже было сказано, здесь авторская ремарка и собственно цитация демонстрируют существенно более высокую степень просодической интеграции, чем в режиме прямого цитирования. В частности, препозитивная авторская ремарка реализуется обычно как просодически незавершенная, то есть проецирующая дальнейшее развертывание дискурса. Просодическая незавершенность авторской ремарки маркируется чаще всего «прототипическим русским подъемом» с падением на заударных, если они есть, то есть по типу ИК-3 [Янко 2008: 31].

Так, в примере (3) обнаруживаем очевидный косвенный дейксис («[они,] говорят, что [я_i] нажрался и начал громить [им_i]...») и подъем тона по типу ИК-3 в авторской ремарке, в строке 157 на слове *они* (фразовый акцент в авторской ремарке сдвинут с глагола речи на контрастную тему — подлежащее). Этот подъем объединяет в единую иллюкуцию авторскую ремарку и собственно цитацию. Кроме того, в этом примере строка 160 и строка 161 реализованы с акцентом типа ИК-6 — с подъемом на ударном слоге, за которым не следует падения на заударных. Эта конфигурация, которую условно можно назвать интонацией многоточия, широко используется для выражения незавершенности при описании череды событий, открытого списка [Янко 2008: 109–113, 166–167]. Таким образом, цитация интегрируется в нарратив, описывающий последовательность событий «нажрался», «начал громить», «отрубили». Это очень характерный для косвенной речи просодический паттерн, который позволяет представить авторскую ремарку и цитацию как звенья одного уровня, одной перечислительной цепочки⁵:

⁵ Эта нарративная стратегия охарактеризована в [Yokoуama 2013] как цепочка клауз, в которой все элементы кроме последнего лишены собственного иллюкутивного акцента и произносятся с тем или иным типом восходящего тона с даунстепом — постепенным снижением высоты пика, в оригинале — тип «-SS» (“without sentential stress” type).

- (3) FS11-sp
 157. ... /Они говорят,
 158. что я нажрался как /скотина,
 159. со \спирта,
 160. ... ээ начал громить им /—подсобку,,,
 161. начал с ними /—драться,,,
 162. и /они меня просто \отрубили.

Сходный случай единообразного (цепочечного) просодического оформления авторской ремарки и собственно цитации при косвенном дейксисе демонстрирует и пример (4) с тремя косвенными вопросами (строки 72, 74, 75). Здесь тоже авторская ремарка в строке 71 реализуется как просодически незавершенная (по типу ИК-4, как и соседние строки), см. рис. 2. Кроме того, в строке 73 внутри цитации имеется регуляторный дискурсивный маркер *вот*, принадлежащий внешнему говорящему, а в строке 75 — речевой сбой, обнаруживающий трудности речепроизводства внешнего говорящего:

- (4) FS18-sp
 65. они вот /сидели,
 66. и /наблюдали,,,
 67. ... немножко конечно тоже в /шоке,
 68. но-о ” не /возмущались,
 69. а наоборот \↑радовались,
 70. .. за —студентов,
 71. .. \спра-ашивали у нас,,,
 72. \↑откуда мы,,,
 73. \вот,
 74. чего мы тут /↑делаем,,,
 75. ... как вообще мы \↑договорились все вместе в таким= || в таком= || .. ” мм в таком составе тут встретиться,,,

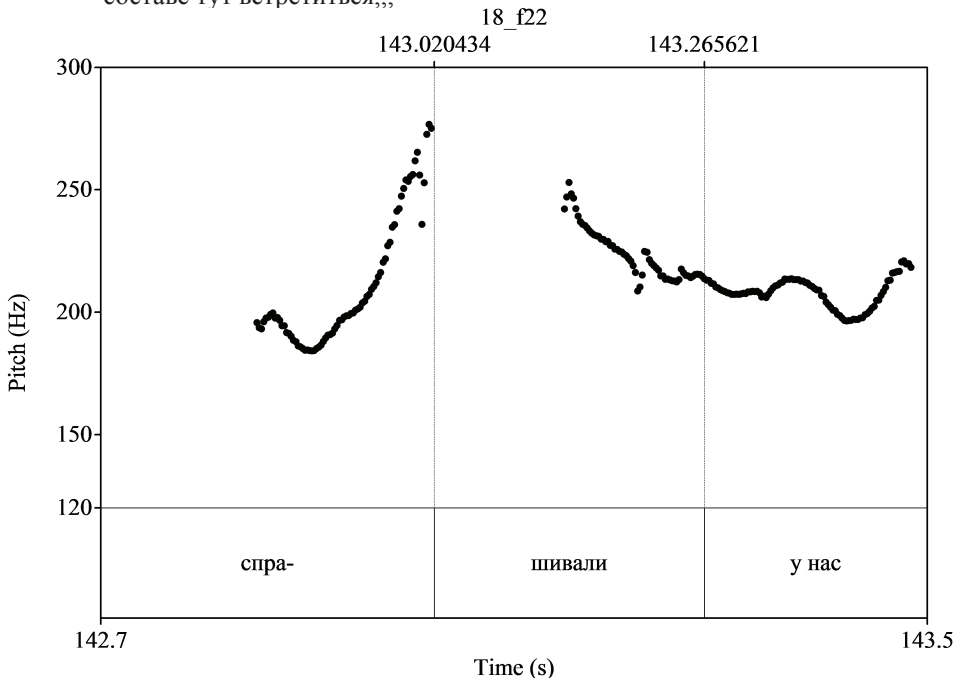

Рис. 2. FS18-sp: спрашивали у нас

Итак, прагматический фактор оказывается ведущим при разграничении прямой и косвенной речи — он задает функциональный статус цитационной конструкции. Остальные факторы проецируют функциональное задание на конкретный языковой ландшафт; эти факторы менее универсальны и более лингвоспецифичны (ср., например, японский язык, где комплементаризер одинаково употребителен и с прямым, и с косвенным дейксисом).

Наши корпусные данные показывают, что в русской устной речи говорящий, выбрав между прямым и косвенным дейксисом, последовательно придерживается этого выбора в пределах цитационной конструкции. Крайне редки случаи, когда говорящий по ходу построения конструкции меняет прямой дейксис на косвенный или наоборот. Таким редким исключением является следующий пример, где в строках 71 и 73 имеется косвенный дейксис, подкрепленный соответствующим синтаксисом и просодией — сентенциальным актантом, просодически интегрированным в главное предложение, — однако в строке 75 происходит сбой, и в строке 76 возникает прямой директив:

- (5) FS02-sp
 70. В /итоге,
 71. он сказал что он нам не /верит,
 72. и он уже столько очень много \сказок /наслушался,
 73. и говорит что если мы хотим .. не /платить штраф,
 74. и просто /уехать,
 75. значит пусть ==
 76. ... ну типа «\—Уезжайте!»

В устном подкорпусе «Веселых историй» есть, как было сказано выше, 164 случая, где в тексте упоминается речевое событие; из них в 162 случаях чужая речь представлена в форме цитационной конструкции, а в оставшихся двух случаях речевое событие отражается описательно, ср. описание речевого события *Попросил сметаны* и цитационную конструкцию с введением чужой речи *Попросил: «Положите, пожалуйста, сметаны!»*. Из общего числа задокументированных цитационных конструкций (162) в устном подкорпусе 143 могут квалифицироваться как конструкции с прямой речью по ведущему — прагматическому — критерию: имеют признаки прямого дейксиса, и/или в них обнаруживаются явления главного предложения. Оставшиеся 19 конструкций либо имеют признаки косвенного дейксиса, либо вообще не имеют однозначно интерпретируемых прагматических маркеров.

Рассмотрим теперь более подробно эти 143 случая прагматически прямой речи в устном подкорпусе. В следующих двух разделах будет дан качественный анализ обнаруженных в этом массиве отклонений от канона прямой речи по грамматическим, лексическим и просодическим признакам. В разделе 5 эти отклонения будут проанализированы количественно.

3. Отклонения от канонов прямой речи: лексика и грамматика

3.1. Прямой дейксис и морфосинтаксис сентенциального актанта

Одним из очевидных сигналов нарушения прототипа прямой речи является совмещение в одной конструкции прямого дейксиса и комплементаризера. В устном подкорпусе имеются случаи, см. (6) и (7), когда цитация с очевидными признаками прямого личного и временного дейксиса и явлениями главного предложения вводится подчинительным союзом *что*:

- (6) FS02-sp
 39. <и | > \самим к ним /подойти,
 40. и сказать
 41. что «Вы /знаете,
 42. у нас что-то /сломалось,
 43. вот /извините \пожа-алуйста!».

- (7) FS28-sp
 10. и /стояли,
 11. и \ныли:
 12. .. что «Как не /-хо-очется,,,
 13. как /-здо-орово,,,
 14. вот бы /опоздать,
 15. вот бы здесь \остаться.»

К этому же классу можно условно отнести и случаи использования прямого дейксиса в сочетании с частицей *ли* — маркера более характерного для косвенного общего вопроса:

- (8) FS14-sp
 76. скажу «Ну /здравствуйте;,
 77. я вам || м-могу ли я вам /помочь?,

3.2 Прямой дейксис и аппроксиматоры

Нарушение канона прямой речи происходит и в тех случаях, когда в составе цитационной конструкции в сочетании с прямым дейксисом обнаруживаются маркеры нечеткой номинации, или аппроксиматоры. Средства нечеткой номинации позволяют информировать слушающего о том, что говорящий снимает с себя ответственность за точность вербализации и предоставляет слушающему возможность сильного сотрудничества в реконструкции исходного смысла [Подлеская 2013]. Массовое использование средств нечеткой номинации в сочетании с прямым дейксисом и явлениями главного предложения подтверждает правоту сторонников теории «демонстрации», считающих, что прямая речь не тождественна буквальному воспроизведению сказанного, а является способом авторского воспроизведения, избирательно **демонстрирующего** речевое событие (см. среди прочих [de Vries 2008] и обзор литературы там же).

Среди засвидетельствованных в исследованном корпусе аппроксиматоров можно выделить несколько подклассов.

3.2.1. Первый класс аппроксиматоров можно условно объединить под рабочим ярлыком «**репортивы**». Их функция состоит непосредственно в том, чтобы предупредить, что цитируемый текст не следует воспринимать как буквальный, что он преподносится с большей или меньшей формальной или смысловой (пере)интерпретацией. В литературе такие типичные представители этого класса, как *мол*, *дескать*, *якобы* и им подобные, широко обсуждались с использованием термина «ксенопоказатели», см. [Арутюнова 2000; Плунгян 2008; Апресян, Шмелев 2017], ср. также анализ этого типа маркеров в связи с более широким классом средств, ответственных за семантику «пересказывательности» в [Левонтина 2010]. Среди репортивов в устном подкорпусе «Веселых историй» абсолютным чемпионом является слово *мина* (подробнее о семантике и дистрибуции этого маркера см. [Подлеская, Егорова 2017]):

- (9) FS18-sp
 177. говорю «/Ну,
 178. скоро будет \автобус.
 179. ” Давай \подождём типа пару минут;»

«Флагманский» репортив *мол* в устном подкорпусе представлен всего двумя примерами (в одном и том же тексте FS04-sp), оба — в сочетании с непрямым дейксисом. В письменном же подкорпусе *мол* встречается трижды: единожды в сочетании с прямым дейксисом, см. пример (10), единожды в сочетании с косвенным личным дейксисом, но прямым директивом в формате «*ничего* + инфинитив», см. (11), и единожды в амбивалентном случае — без

очевидных дейктических маркеров, см. (12). Напомним, что письменные версии рассказов записывались испытуемыми самостоятельно, поэтому показательно, что ни в одном из этих трех случаев авторы не использовали кавычек, то есть не подключали графического сигнала прямой речи:

(10) FS05-wr

В конце концов, ему сказали, мол, иди, ладно уж, но если человек на это место придет, то ты сам виноват, ссадим.

(11) FS11-wr

Врач сказал, что у меня киста копчика, но такое бывает, нечего, мол, волноваться.

(12) FS11-wr

Я спрашиваю, что, мол, случилось.

Таким образом, наш материал подтверждает вывод, сделанный на материале [НКРЯ] в работе [Апресян, Шмелев 2017], о том, что в целом свою основную функцию — трансляцию содержания высказывания, а не его буквальной формы — репортив *мол* выполняет вне зависимости от выбора между прямой и косвенной цитацией.

3.2.2. Следующий класс аппроксиматоров, сочетающихся с прямым дейксисом, можно условно объединить под рабочим ярлыком «**имитативы**». Это междометия или частицы, которые могли не присутствовать *verbatim* в цитируемом тексте, но являются способом передачи некоторой исходной эмоциональной установки «внутреннего» говорящего. Так употребляется русское *вот* в контекстах типа *Жалуется: «Вот! Ты меня никогда не слушаешь!»*, см. [Подлеская, Кибрик 2009]; русское *ах* в контекстах *Вечно восхищается: «Ах, Венеция! Ах, Флоренция!»*, см. [Левонтина 2010]. Нарушение канона прямой речи подчеркивается тем, что эти маркеры обычно передают намеренное отстранение внешнего повествователя от эмоций «внутреннего» говорящего, что часто подкрепляется особой просодией — нарочитой театрализацией (см. подробнее раздел 4). Ср. передачу смущения в (13), возмущения-раздражения в (14), реакцию на неожиданную неприятную новость в (15):

(13) FS13-sp

60. ... Он —такой:

61. ... «\Хм.

62. ... Ну \ладно.

63. ... Я вам \потом перезвоню.»

(14) FS09-sp

46. ... Дома ... криков и прочего было ... \предостаточно.

47. \Все:

48. «#Ва-а вэ ва#!»

49. Вообще готовили <здесь> || ... /готовить в таких условиях просто \ужасно.

(15) FS10-sp

47. \я:

48. «/\↑Опа!»,

49. ... (0.34) /но абсолютно не \растерялся!,

3.2.3. К числу аппроксиматоров, сочетающихся с прямым дейксисом, относятся и **показатели открытого списка**, которые присоединяются непосредственно или с использованием сочинительной техники (союзов *и*, *или*): *и так далее*, *(и) все такое*, *или что*. Как и другие аппроксиматоры, эти показатели нарушают канон прямой речи, поскольку не могут быть буквальным элементом цитируемого фрагмента:

- (16) FS01-sp
 31. –стала меня \уговаривать:
 32. «/Маришенька@
 33. /–Открой!»,,,
 34. {СМЕХ} все /–дела...
- (17) FS40-sp
 15. .. Рассказывая ээ ” зн-н= || содержание .. “Утраченных /иллюзий”,
 16. она .. быстро \проговорила:
 17. «Так /вот,
 18. Даниэль д= || /д’Артез ~»
 19. .. и-и так \далее.

3.2.4. В устном подкорпусе имеются примеры с аппроксиматорами, которые условно можно именовать «**репрезентативами**». Они выступают как заместители прямой номинации объекта или положения дел, которая, предположительно, имела в исходном фрагменте чужой речи, но при цитировании подверглась редукции, несмотря на прямой дейксис (*тыры-пыры, так и так* и т. п.):

- (18) FS08-sp
 44. и какая-то женщина /подходит к нам,
 45. говорит ..«/\Ой!
 46. /\Девочки@
 47. А вы не /подскажете,
 48. /\как на-ам /проехать туда-туда?»
- (19) FS14-sp
 141. говорю «У нас так и /так,
 142. у нас \ну /бутылки,
 143. и м-мы не знаем куда их \девать.»

3.2.5. В состав цитации с прямым дейксисом могут внедряться лексические **маркеры хезитации** (*ну, значит, вот (это), там* и др.), которые отражают речевые проблемы повествователя, а не «внутреннего» говорящего. Ср. *ну* в (19) выше, *значит* в (20):

- (20) FS18-sp
 139. ... и вдруг ... Брентон мне \говорит:
 140. «Ты значит иди /вперёд!,
 141. .. я тебя сейчас \догоню.»

Имеется дополнительное косвенное подтверждение того, что в (19) и (20) хезитативы не являются буквальным элементом цитируемого фрагмента: из контекста становится ясно, что цитируемые диалоги велись не на русском языке, а на испанском (в рассказе FS14) и английском (в рассказе FS18). Сама по себе передача чужой речи средствами другого языка уже является симптомом нарушения канона прямой речи (см. об этом также в разделе 7). Тем более затруднительна в таких случаях буквальная передача хезитации как принадлежащей «внутреннему» говорящему.

3.3. Прямой дейксис и речевые затруднения

Прямой дейксис может совмещаться с сигналами сбоев и затруднений в речепорождении, которые испытывает повествователь. Чаще всего это самоисправления, инициатива которых принадлежит повествователю, ср. строку 132 в (21), строки 127–128 в (22). В последнем случае самоисправление сочетается с лексическим маркером хезитации *вот это*:

- (21) FS11-sp
 128. Другой \говорит:
 129. «/\Ага,
 130. /видел бы ты,
 131. /чего он на ... операционном \столе исполнял,
 132. когд= || после \операции.»
- (22) FS14-sp
 125. Я говорю
 126. «Какую /посылку?
 127. Где я вам возьму /посылку?,
 128. вот это || ... –коробку?»

Речевые проблемы повествователя могут проявляться также в наложении двух синтаксических конструкций, которое происходит без самоисправления и нарушения просодической целостности фразы. Так, в (23) совмещены без просодического шва конструкции *чтоб вы больше* [здесь не появлялись] и *чтоб больше мы вашу школу не видели вообще никогда*:

- (23) FS16-sp
 51. /они говорят,
 52. «Чтоб вы больше мы вашу школу не видели вообще /никогда!,
 53. ... Что вы себе /позволяете?»,
 54. такой \бред **вообще!**

Возможны и еще более изысканные конфигурации, когда часть цитируемого фрагмента с прямым дейксисом парцеллируется, дейксис переориентируется на повествователя, но синтаксическая преемственность с опорной клаузой сохраняется. См. пример (24), где в строке 13 в согласованном определении [газеты] *какой-то непонятной* сохраняется требуемая форма родительного падежа единственного числа, но сама оценка уже принадлежит повествователю, а не цитируемому позвонившему, что, в частности, проявляется в строке 14 в форме первого лица повествователя. Возврат к прямому дейксису происходит в строках 21–23:

- (24) FS16-sp
 10. "Он говорит
 11. «/\Здравствуйте,
 12. я редактор /газеты»,
 13. (... какой-то \вообще непонятной,
 14. я даже –такой н-ни разу не \слышала.
 15. {СГЛАТЫВАНИЕ} Типа где-то около “\Нагорной” там-м мм выходит эта /газета,
 16. ... /ну что-то типа “За Калужской /заставой”,
 17. но-о только \ещё-о намного хуже.),
 18. ... \вот,
 19. /звонит,
 20. и \говорит:
 21. ээ «Вы /знаете¿,
 22. вы-ы вот ээ с-с магазина на “/Нагорно-ой” ...уволили /сотрудника,
 23. не /заплатили ему \зарплату.»

4. Отклонения от канонов прямой речи: просодия

В устном подкорпусе «Веселых историй» представлены два основных типа просодических отклонений от канона прямой речи в цитационных конструкциях с прямым дейксисом: первый можно условно назвать «гиподиалогическим», второй — «гипердиалогическим».

4.1. Гиподialogический тип

При гиподialogических отклонениях цитация с прямым дейксисом утрачивает просодические симптомы отдельной иллокуции, интегрируется (подобно цитации с косвенным дейксисом) с авторской ремаркой в единую иллокуцию, которая, в свою очередь, встраивается далее в структуру рассказа. Проиллюстрирую это на примере (25) ниже. Строка 91 представляет собой авторскую ремарку, описывающую речевое событие (*упрашивала*). Цитируемый фрагмент включает директив и строится с прямым дейксисом — стандартным императивом второго лица множественного числа (*проявите*). Просодически же авторская ремарка реализуется с восходящим тоном по типу ИК-3 в главном фразовом акценте, а не с падением, как того требовал бы канон прямой речи. Более того, и директив в строке 92, и сообщения в строках 93–94, реализуются в главном фразовом акценте с восходяще-нисходящим тоном на растянутом ударном слоге по типу ИК-6 (*терпе-ения, ма-аленький, изме-енится*), то есть просодически они предъясняются как незаконченное перечисление событий: они лишены независимой иллокутивной просодии и интегрированы с авторской ремаркой в единую последовательность однородных звеньев (см. рис. 3). Это тот самый просодический паттерн, который на примерах (3) и (4) выше демонстрировался как типичный для косвенного дейксиса, однако тут он парадоксальным образом накладывается на прямой дейксис:

- (25) FS23-sp
 91. девчонок /упрашивала:
 92. «Ну *проявите* *немножко* ^терпе-ения|,,,
 93. ну он ^ма-аленький,,,
 94. ну сейчас он ^изме-енится...»

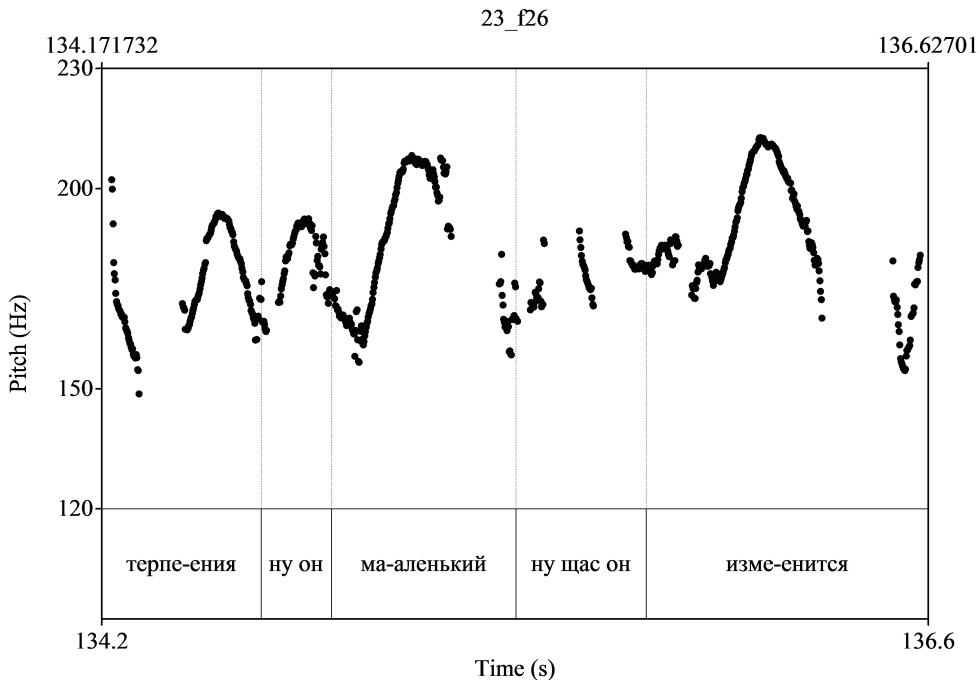

Рис. 3. FS23-sp: он изменится

В примере (26) авторская ремарка в строке 102 вообще произносится атонически, не образуя отдельной коммуникативно-просодической составляющей, а цитируемые фрагменты в строках 102 и 103 реализуются как просодически незавершенные — с восходящевосходящим и восходящим тоном. В режиме прямого дейксиса цитируется директив, однако цитация оказывается лишенной иллокутивной просодии — просодия обслуживает внешний контекст повествования, а именно конструкцию выбора с разделительным союзом *или... или*:

- (26) FS23-sp
 102. или там она ему сказала «/–Отста-ань!»,,,
 103. или там «Не лезь к /компьютеру!»,,,
 104. ну в общем что-то он ей /сделал,
 105. .. она на него /наругалась,
 106. и прямо \прогнала,

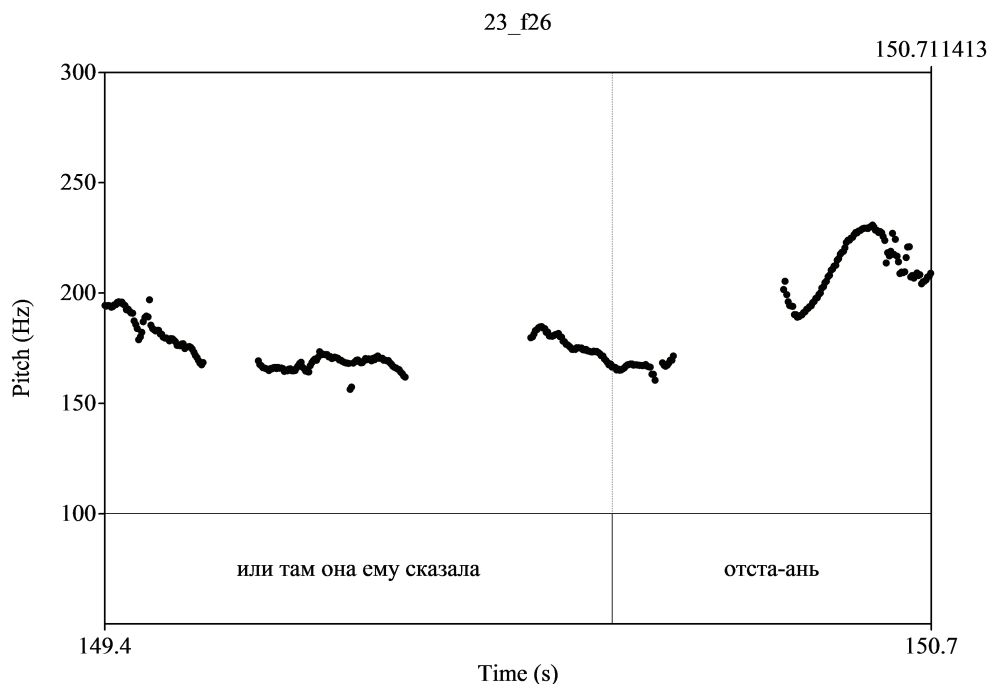
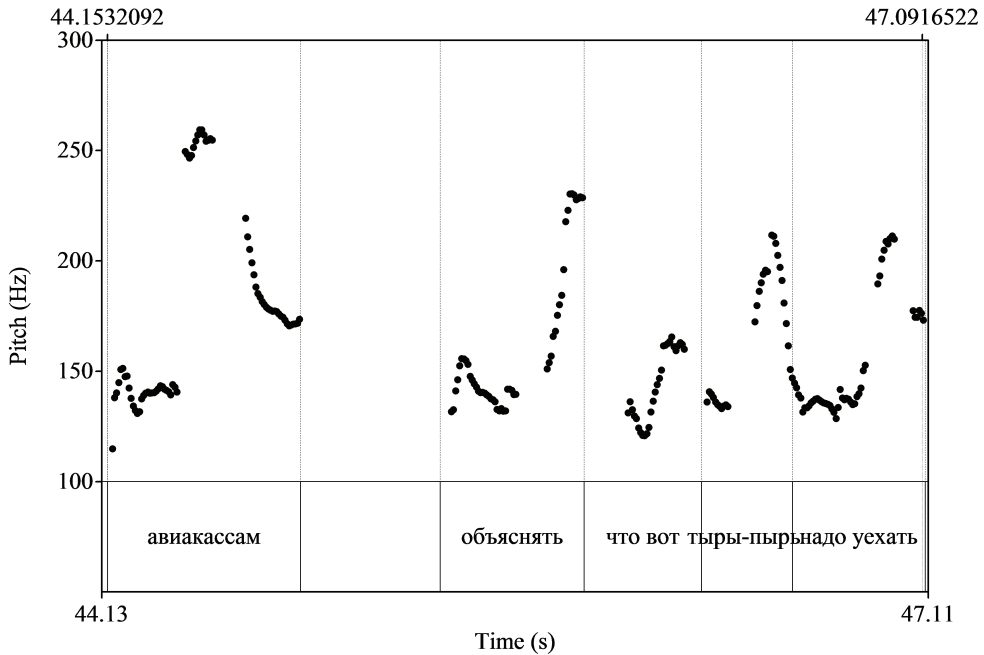

Рис. 4. FS23-sp: *отстань*

Гиподialogический тип хорошо сочетается с лексико-грамматическими отклонениями от прототипа при прямом дейксисе. См. пример (27), где все строки, включая 24 (авторскую ремарку) и 25–27 (цитируемый фрагмент), реализованы просодически как незаклнчительные узлы нарративной цепочки: 24 и 26 с подъемом по типу ИК-3, а 25 и 27 — с подъемом по типу ИК-6, см. рис. 5. При этом в строке 25 имеется «запрещенный» в прямой речи комплементаризатор *что*, в той же строке — имитатив *вот*, а в строке 26 — репрезентатив *тыры-пыры*:

- (27) FS05-sp
 23. ... пошёл –бегать .. ээ по всяким /авиакассам,
 24. .../объяснять,
 25. что «/–Вот,,,
 26. тыры-/пыры,
 27. надо /–ухать.»,,,

Рис. 5. FS05-sp: *надо уехать*

Замечу, что в конструкциях с косвенным дейксисом встречается просодический паттерн, обратный гиподиалогическому («дезинтегрирующий»), — это реализация авторской ремарки как независимой иллокуции, с падением тона в главном фразовом акценте. Если гиподиалогический паттерн «сдвигает» конструкцию с прямым дейксисом в сторону косвенной речи, то падение тона в авторской ремарке, наоборот, «сдвигает» конструкцию с косвенным дейксисом в сторону прямой. Проиллюстрирую это примером (28). Здесь в строке 193 авторская ремарка не интегрируется просодически с цитацией (что было бы типично для косвенного дейксиса): глагол речи произносится с понижением тона, свидетельствующим о том, что первоначально планировалась прямая цитация. Слушающий в этом месте ожидает начала цитации в формате прямой речи, однако этого не происходит — далее следует маркер хезитации *значит*, знаменующий, по всей видимости, речевое затруднение, перестройку, и переход к косвенной цитации, вводимой комплементаризером *что*:

- (28) FS18-sp
 193. И тут Брентон ... мне \говорит:
 194. \значит,
 195. что он этот знак берёт с \собой!

Таким образом, гиподиалогический тип реализации цитационных конструкций с прямым дейксисом приводит к большей интегрированности конструкции по сравнению с каноническим вариантом прямой цитации, тогда как «дезинтегрирующий» тип реализации цитационных конструкций с косвенным дейксисом приводит к меньшей интегрированности конструкции по сравнению с каноническим вариантом косвенной цитации.

4.2. Гипердиалогический тип

Гипердиалогический тип просодии говорящие используют для намеренной театрализации описываемого речевого события. Утрирование исходного иллокутивного намерения,

с одной стороны, сохраняет прагматическую перспективу «внутреннего» говорящего, но, с другой стороны, привносит и оценку ситуации внешним повествователем. Оценочные значения могут быть любого «знака»: от восхищения до недоумения. Часто такая «педалированная» просодия, передразнивание, понимается как ироническая, сопровождается улыбкой или смехом (особенно учитывая, что материал исследования — «веселые истории»). При этом просодическая реализация включает выраженные черты эмфазы, в том числе уже упоминавшиеся выше удлинение и тональное искривление акцентированного слога, а также сдвиг в более высокий регистр, вплоть до фальцета. Так, в примере (29) гипердиалогически реализуются строки 30, 31 и 32 — со смехом, с усиленной громкостью. Строка 30 — междометие, произносится с восходяще-нисходящим тоном на растянутом ударном слоге; строки 31 и 32 — в очень высоком регистре, см. рис. 6:

- (29) FS06-sp
 28. тихонечко /заглядываю на кухню,
 29. и \говору:
 30. .. «↓^Aга-a!
 31. Сама виноград /кушаешь?!
 32. .. А нам не /даёшь?!»

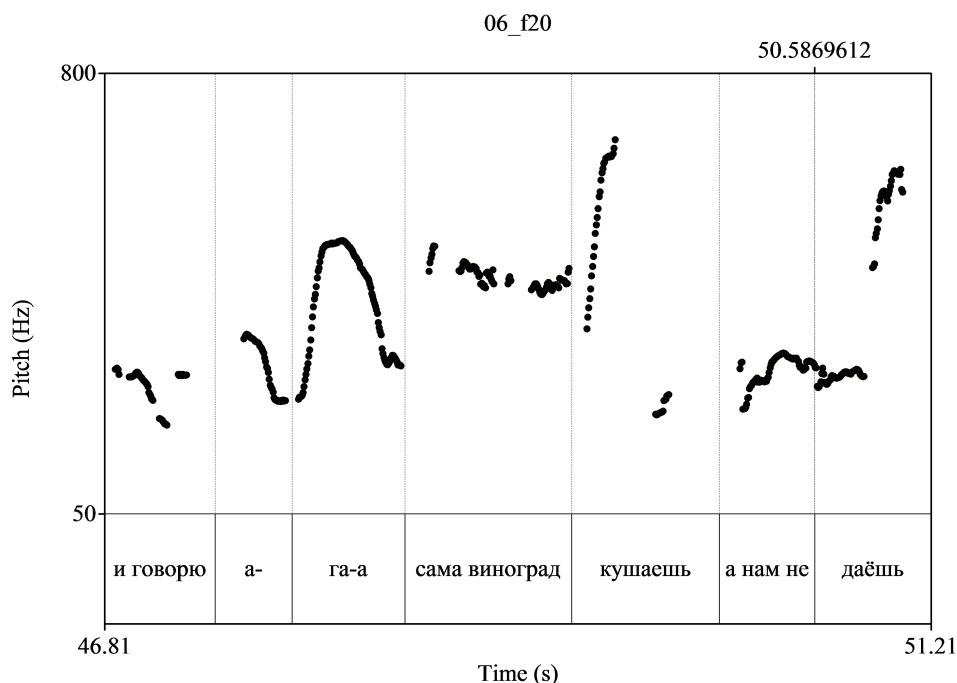

Рис. 6. FS06-sp: а нам не даёшь

Аналогичным образом в примере (30) гипердиалогически реализуется раздраженная реплика в строке 42: с повышенной громкостью, в слове *несвежая* на предупредном *не-* высокий подъем (практически в фальцет), на растянутом ударном *све-е-* — восходяще-нисходящий тон; дополнительный (вызванный скандированным произнесением) акцент на растянутом ударном слоге *та-* слова *сметана* — пологий нисходящий, см. рис. 7:

- (30) FS03-sp
 41. ... А /она уже^h ... вот .. \тоже на всю \столовую:
 42. .. «Да /несве-ежая у нас \смета-ана^h!»

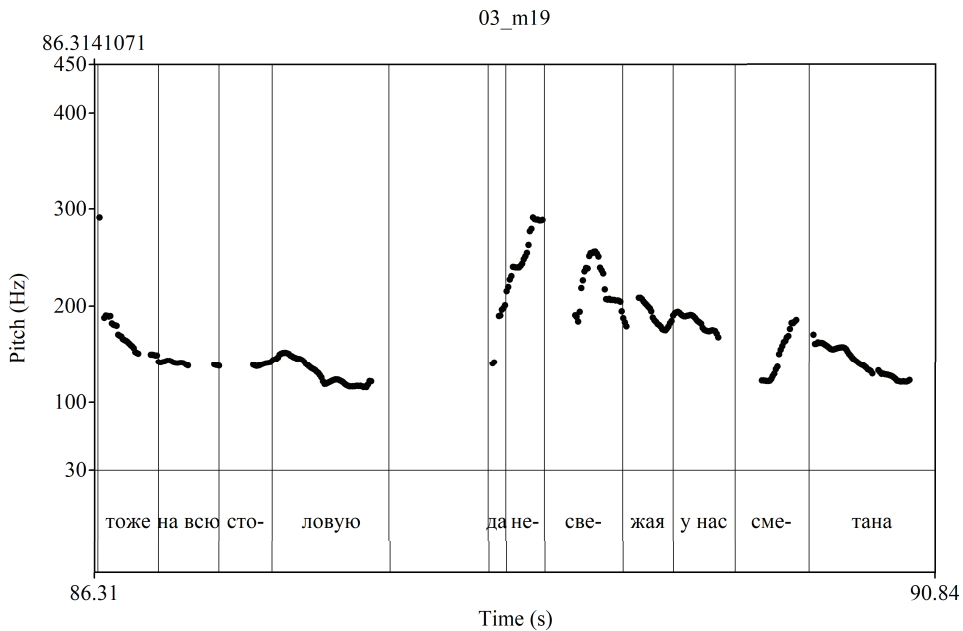

Рис. 7. FS03-sp: *да несвежая у нас сметана*

Гиподialogические и гиперdialogические отклонения от канона прямой речи в редких случаях могут наблюдаться совместно в цитационной конструкции с прямым дейксисом. Так, в следующем примере цитация реализуется иронически утрированно, с намеренной театрализацией (высокий регистр, растянутые ударные слоги, «блеющий» голос, см. [Янко 2008: 85; Левонтина 2010: 287]), ср. рис. 8 на с. 64. При этом строки 66, 67 и 68 произносятся с явным просодическим маркированием незавершенности по типу ИК-6, то есть как незаключительные в нарративной последовательности:

(31) FS02-sp

65. –Мы такие:

66. «Ну вы /зна-ае^{те},,,

67. ну это же /–пра-авда^{,,,}

68. –мы же вот –так вот ... /–пое-ехали^в.»...

5. Предварительные итоги

В предыдущих разделах были обсуждены основные типы отклонений от прототипа прямой речи, обнаруженные в цитационных конструкциях из устного подкорпуса, которые могут квалифицироваться как прямая речь на основании прагматического критерия. Количественные сведения о них суммированы в таблице 1 (с. 64).

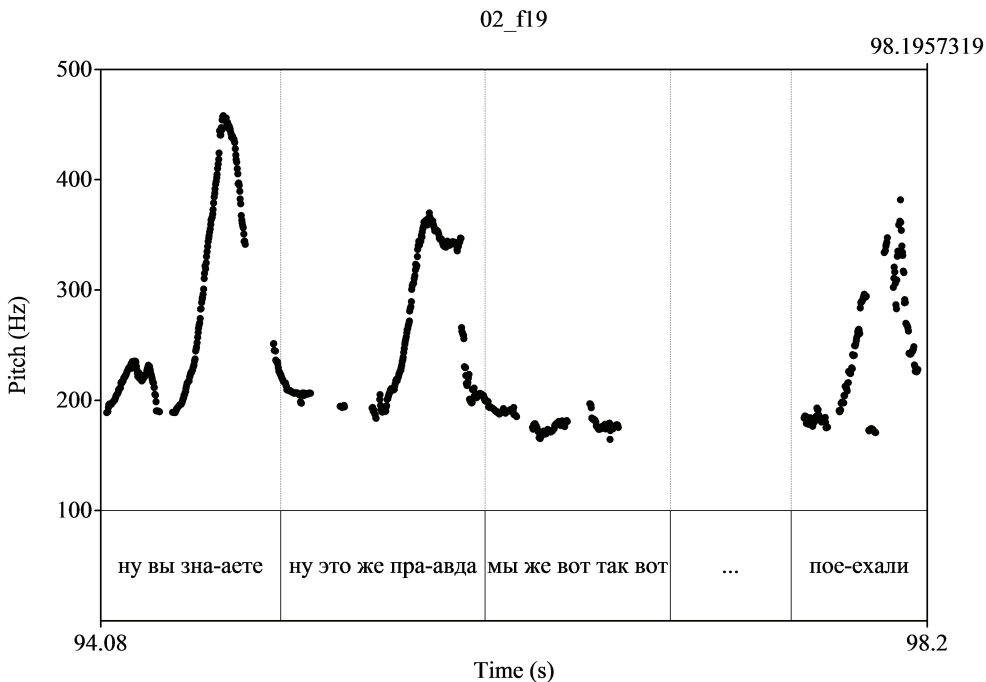

Рис. 8. FS02-sp: ну вы знаете

Таблица 1

Отклонения от прототипа прямой речи в конструкциях с прагматически прямой речью (143 из 162 цитационных конструкций) в устном подкорпусе «Веселых историй из жизни»

Тип отклонений	Количество
Лексико-грамматические:	54
морфосинтаксис сентенциального актанта	7
аппроксиматоры:	33
репортивы	13
имитативы	6
маркеры открытого списка	3
репрезентативы	4
маркеры хезитации	7
речевые затруднения	14
Просодические:	37
гиподialogический тип	24
гиперdialogический тип	13
Всего	91

Как видим, отклонения от канонической прямой речи массово присутствуют в обследованном материале. В корпусе задокументировано 54 лексико-грамматических отклонения и 37 просодических отклонений на 143 конструкции с прагматически прямой речью, то есть прямым дейксисом и/или явлениями главного предложения. Среди лексико-грамматических наиболее частотными оказываются аппроксиматоры (33 случая), далее следуют случаи речевых затруднений (14 случаев) и морфосинтаксические средства кодирования

сентенциального актанта (7 случаев). Из аппроксиматоров наиболее частотно встречаются репортивы (13 случаев, из которых 9 приходится на репортив *типа*), далее следуют маркеры хезитации (7 случаев), имитативы (6 случаев), репрезентативы (4 случая) и маркеры открытого списка (3 случая). Высока и доля конструкций с просодическими отклонениями от канона — четверть от общего числа (37 случаев из 143 конструкций). При этом гиподиалогический тип представлен гораздо шире (24 из 37), чем гипердиалогический (13 из 37; имевшиеся в выборке два случая, где были представлены оба типа, считались в таблице как гипердиалогические, так что фактически диспропорция еще более выражена).

Обратимся теперь к сравнению способов передачи чужой речи в устном и письменном подкорпусах «Веселых историй».

6. Цитационные конструкции в устных и письменных версиях «Веселых историй»

Напомним, что исследуемый корпус включает устные и письменные версии рассказов одного и того же говорящего, основанные на одном и том же сюжете. Для систематического сравнения способов передачи чужой речи, письменные и устные версии рассказов были выровнены с тем, чтобы выявить пары текстовых фрагментов (устный / письменный), отсылающих к одному и тому же речевому событию в сюжетной канве рассказа. Как уже было сказано в разделе 2, речевые события могут быть отражены в тексте либо с помощью цитационной конструкции, либо описательно, без введения чужой речи. Разумеется, были выявлены и ситуации, когда в одном из подкорпусов речевое событие отражено (описательно или с цитацией), а в другом оно вообще не упоминается. Ниже я покажу, в каких форматах может быть представлено одно и то же событие в устной и письменной версиях.

Самая частая ситуация в корпусе (подробное обсуждение количественных данных отложим до следующего раздела) — когда и в устной, и в письменной версии рассказа событие представлено цитационной конструкцией с прямым дейксисом (в том числе и с лексико-грамматическими и просодическими отклонениями от прототипа), ср. (32а) и (32б) ниже:

(32) а. FS03-sp

41. ... А /она уже^h ... вот .. \тоже на всю \столовую:

42. ... «Да \несве-ежая у нас \смета-ана^h!»

б. FS03-wr

а вместо этого интеллигентно прокричала мне в ответ:

«Сметана у нас сегодня не свежая!»

Конструкциям с прямым дейксисом в устном подкорпусе могут соответствовать конструкции с косвенным дейксисом в письменном. Это могут быть как вполне канонические пары, ср. (33а) и (33б), (34а) и (34б), так и цитационные конструкции с отклонениями от прототипа, ср. (35а) и (35б), (36а) и (36б). В (35б) косвенный дейксис совмещен с конструкцией *как не стыдно*, относящейся к явлениям главного предложения, то есть допустимой лишь в диалогическом режиме. В паре (36а) и (36б) в устной версии прямой дейксис, но есть нарушающий канон комплементаризер *что*, а в письменной версии — косвенный дейксис в опорной клаузе (*наш рейс, нам говорит*), но парцеллированное обстоятельство времени ориентировано на внутреннего говорящего (*вчера*, а не *накануне*). Отмечу еще, что косвенный формат цитирования в письменных вариантах (35б) и (36б) подкрепляется и отсутствием кавычек, маркированного средства обозначения прямой речи:

(33) а. FS18-sp

139. ... и вдруг ... Брентон мне \говорит:

140. ... «Ты значит иди /вперѣд,

141. ... я тебя сейчас \догоню.»

б. FS18-wr

Брентон сказал мне, чтобы я шла дальше.

- (34) а. FS39-sp
 65. .. человек —
 66. стоящий \сзади,
 67. — \сказал ей:
 68. «\Девушка@,
 69. вы /знаете,
 70. а у вас .. шапка провалилась в –капюшо-он.»
 б. FS39-wr
 мужчина, стоявший на ступеньку ниже, сообщает, что у нее шапка в капюшоне застряла.
- (35) а. FS16-sp
 27. Нам значит учительница /подходит,
 28. говорит типа
 ...
 31. .. «Ну /убери уже сухари,
 32. как тебе не \стыдно!»
 б. FS16-wr
 Наша учительница подошла к нему и стала говорить, как ему не стыдно и т. п.
- (36) а. FS28-sp
 16. И собственно когда мы отдали наши /билеты,
 17. .. нам \сообщили:
 18. что «\Девушки@,
 19. ... а ваш рейс улетел \вчера!»
 б. FS28-wr
 Ну и девушка-регистратор нам и говорит, что рейс наш уже улетел. Вчера.

Следующий представленный в корпусе класс пар: в устном подкорпусе — цитационная конструкция с прямым дейксисом, в письменном — описание речевого события без эксплицитного введения чужой речи. Ср. две пары в (37) и (38):

- (37) а. FS18-sp
 97. А Брентон говорит «Нет-нет-/нет,
 98. будем /стоя-ать,
 99. придёт \автобус.»
 б. FS18-wr
 но Брентон никак не соглашался идти пешком.
- (38) а. FS13-sp
 60. ... Он –такой:
 61. ..(0.31) «\Хм.
 62. ..(0.48) Ну \ладно.
 63. ..(0.15) Я вам \потом перезвоню.»
 б. FS13-wr
 [Корреспондент ожидал, что я испугаюсь, и такой моей реакции не ожидал.]
 Вежливо попрощался и положил трубку. [И больше не звонил.]

Очень частотны (см. раздел 7) пары, в которых устная версия представлена цитационной конструкцией с прямым дейксисом, а в письменной версии соответствующее речевое событие вообще отсутствует. Так, в следующем примере в устной версии (39а) в строках 53–56 цитационная конструкция описывает речевое событие — обращение к собеседнице с предложением налить ей вина. В письменной же версии этого эпизода (39б) есть лишь описание сопутствующих действий (сходил, сел, пытался наполнить стаканчик), но собственно речевого события — обращения к собеседнице с предложением — нет:

(39) а. FS10-sp

47. \я:
 48. «\Опа!»,
 49. .. но абсолютно не \растерялся!,
 50. \подкачиваю к ней,
 51. —посмотреть,
 52. —что там у неё в —бокале,
 53. говорю «\Детка@»,
 54. .. да \что так у тебя мало —налито?,
 55. давай я тебе \побольше налью!;
 56. А то у меня много в \стакане.»,

б. FS10-wr

Но в тот момент я не растерялся, сходил еще за алкоголем, занял место рядом с моей очень симпатичной начальницей, вроде как я участвую в общем разговоре, и стал пытаться наполнить ее пластиковый стаканчик, который она держала в руках.

Весьма немногочисленные в устном подкорпусе цитационные конструкции с косвенным дейксисом в подавляющем большинстве случаев в письменной версии также представлены цитационными конструкциями с косвенным дейксисом, ср. (40а) и (40б), и лишь в единичных случаях соответствующие речевые события даны описательно или вообще не упоминаются:

(40) а. FS04-sp

37. но /он сказал,
 38. что это он /—сам сажает,,

б. FS04-wr

Он ответил, что купил и посадил их сам, и ему нравится за ними ухаживать.

Рассмотренные нами способы отражения речевого события в тексте можно условно упорядочить по степени экспликации этого события. Максимально эксплицированным следует признать представление речевого события в виде цитационной конструкции с прямым дейксисом. Менее эксплицированными являются конструкции с косвенным дейксисом, затем следуют описания события без введения чужой речи, и наконец, полное отсутствие речевого события в тексте. Посмотрим теперь, как количественно распределены в устном и письменном корпусах разные степени экспликации речевого события и какие общие выводы можно сделать из этого распределения.

7. Количественные данные и общие итоги

Напомним, что в устном подкорпусе было задокументировано 164 упоминания речевого события, из которых 162 представлены в формате цитационной конструкции, и в двух случаях событие представлено описательно, без введения чужой речи. В письменном корпусе соотношение несколько иное: всего имеется 117 упоминаний речевого события, из которых в формате цитационной конструкции — 94 случая, а в 17 случаях событие представлено описательно. Ниже в таблице 2 отражены сводные данные о частотности способов представления чужой речи в обследованном материале. Эти данные демонстрируют несколько важных тенденций.

1. Частотность упоминаний о речевом событии не зависит от модуса речи, а определяется преимущественно сюжетом нарратива: в устном подкорпусе обнаруживается примерно то же количество упоминаний о речевом событии, что и в письменном — 164 на 10 000 слов (16,4 на 1000 слов) против 117 на 7000 (16,7 на 1000 слов).

2. Для устной речи описание речевого события с помощью цитационной конструкции более характерно, чем для письменной: цитация (совокупно с прямым и косвенным

дейксисом) встречается в устном подкорпусе чаще, чем в письменном — 162 на 10 000 слов (16,2 на 1000 слов) против 94 на 7000 слов (13,4 на 1000 слов). Об этом же свидетельствует и доля цитационных конструкций от общего числа упоминаний о речевом событии: в устном подкорпусе она составляет 98,8 % (162 из 164), а в письменном — 80,3 % (94 из 117).

3. В устной речи прямое цитирование встречается значительно чаще, чем в письменной. В устном подкорпусе доля конструкций с прямым дейксисом от общего числа упоминаний о речевом событии существенно выше: в устном подкорпусе их 143 из 164 (87,2 %), а в письменном — 57 из 117 (48,7 %). Сами по себе эти числа могли бы быть следствием того, что, как сказано раньше, общая доля конструкций с цитацией выше в устном подкорпусе, однако существенно, что доля прямого цитирования от всех случаев цитирования в устном подкорпусе тоже ощутимо выше: 88,3 % (143 от 162) против 60,1 % (57 от 94).

4. При переходе от устной версии к письменной степень экспликации события либо остается той же, либо понижается.

Последний пункт нуждается в некоторых дополнительных комментариях. Для наглядности в таблице 2 затемнены те клетки, где уровень экспликации речевого события сохраняется или снижается при переходе от устной версии к письменной. Как хорошо видно из таблицы, если некоторое речевое событие передается в устной версии рассказа в виде конструкции с прямым дейксисом, то в письменной версии оно, как правило, тоже передается как прямая цитация (52 случая из 143) или вообще не имеет соответствия (46 из 143); реже оно передается в виде косвенной цитации (23 из 143) или описательно (22 из 143). Когда в устной версии мы имели косвенную цитацию, в письменной также преимущественно употреблялась косвенная цитация (13 из 19).

Таблица 2

**Сравнение уровня экспликации речевого события в устных
и письменных версиях «Веселых историй из жизни»**

Письменный модус		Цитационные конструкции (94)		Описание речевого события	Эпизод отсутствует
		Прямой дейксис (57)	Косвенный и смешанный дейксис (37)		
Устный модус	Цитационные конструкции (162)				
	Прямой дейксис (143)	52	23	22	46
	Косвенный и смешанный дейксис (19)	1	13	1	4
Описание речевого события		2			
Эпизод отсутствует		2	1		

Как видно из таблицы 2, исключения из общего правила крайне редки (шесть на всю выборку) и, по-видимому, могут быть отнесены на счет индивидуальных стилистических предпочтений говорящего. Так, два случая, где в устной версии рассказа речевой эпизод вообще отсутствует, а в письменной представлен в формате прямой речи (т. е. с явным повышением уровня экспликации), встречаются в одном и том же рассказе FS02. Первый пример — заключительный фрагмент этого рассказа в устной и письменной версии (41). В устной версии (41a) реплики рассказчицы отсутствуют, есть только одна реплика милиционера. В письменной версии (41б) в формате прямой речи подробно переданы реплики обеих сторон диалога:

(41) а. FS02-sp

94. «Девчо-онки@,
 95. у вас что-то с двигателем!
 96. Езжайте в /автосервис с /аварийкой /быстрее;
 97. {ШМЫГАНЬЕ 0.37} Или может быть вам /вызвать /этого —
 98. \как его,
 99. — типа /“Ангела”?»
 100. Ну-у вот ..(0.10) то что (1.33) \служба,
 101. ..(0.47) \помощи^w.
 102. Вот такая вот \история.

б. FS02-wt

Милиционер: «Блин, девчонки, у вас что-то с двигателем... может, вам эвакуатор вызвать?»
 Мы: «Нет-нет... Спасибо за помощь... Низкий Вам поклон, мы как-нибудь сами... Спасибо... До свидания».
 Милиционер: «Вы только аккуратно езжайте, с аварийкой... в крайнем правом ряду... Езжайте в сервис... с этим не шутят».
 Мы: «Спасибо, спасибо... Всего вам хорошего... Ну, мы поехали, спасибо, что помогли, а то мы так испугались».

Второй пример — в начале того же рассказа, где письменная версия (42б) содержит отсутствующую в устной версии мотивировку — анонимное общее мнение, поданное как чужая речь без указания на конкретного говорящего. Обращает на себя внимание намеренное употребление кавычек для оформления цитаты:

(42) а. FS02-sp

9. /Мы решили заехать на /территорию /университета^w.
 10. Но /там висит ↑\—кирпич-и.
 11. \Во-от-т.
 12. Но /так как я всё время /нарушаю,
 13. то /мы решили
 14. что под /кирпич \можно прое-ехать.

б. FS02-wt

Мы решили поехать на территорию университета. Там висит знак кирпич! Решили поехать, так как «туда все ездят... почему бы не поехать».

Как видим, исключений мало, плюс часть из них включает непротипические случаи.

Таким образом, корпусные данные позволяют заключить, что устная речь в большей степени ориентирована на непосредственное отображение речевых событий в монологическом дискурсе: в устной версии рассказов чаще, чем в письменной, эксплуатируются цитационные конструкции, а последние — чаще используются в формате прагматически прямой речи.

В заключение нужно сделать еще одну важную оговорку. В данной работе были систематизированы лишь такие явления, которые можно соотнести с некоторой номенклатурой формальных — лексических, грамматических или просодических — сигналов. Между тем пока за пределами нашего исследования остаются контекстные явления, которые влияют на степень близости цитационной конструкции к канону прямой или косвенной речи, но не могут быть выявлены без обращения к дискурсивной семантике.

К таким контекстным явлениям относятся, в частности, свидетельства небуквальной передачи текста, например случаи, когда речь, которая изначально была на иностранном языке, передается как прямая, «в переводе». Так, в следующем примере цитируется речь некоего Брентона и язык цитируемой беседы — английский. Первое вхождение прямой речи передает цитату буквально — с ошибками англичанина, пытающегося говорить по-немецки (дело происходит в Германии на затерянной в пустынной местности автобусной

остановке). Однако следующее вхождение, строки 125–126, — это речь с прямым дейксисом и иллокутивной просодией, но переданная по-русски, то есть не транслирующая буквально произнесенный текст:

(43) FS18-sp

116. Брентон совсем нь= || совсем-совсем не знает /немецкого,
 117. ... ” ээ ” но видимо где-то подсознательно очень хочет его /выучить,
 118. и поэтому .. Брентон кричит слъ= || буквально \следующее:
 119. «Sie ^Germans-s@ (первое слово по-немецки, второе по-английски. — В. П.)
 120. ” .. Where is the \Bus-s?» (первые три слова по-английски, с сильным русским акцентом; последнее слово по-немецки, также с намеренно «не-немецким» произношением. — В. П.)
 121. ... \Вот.
 122. Ну так он кричал-/кричаал,
 123. ... бегал-/бегал,
 124. .. и в результате \замёрз.
 125. ... И говорит «/\Ладно,
 126. \пошлиj»

Еще один важный тип контекстных явлений — смешение речевых портретов повествователя и «внутреннего» говорящего, например употребление в составе цитации с прямым дейксисом слов и конструкций, которые принадлежат речевому арсеналу повествователя, и наоборот. Так, следующий пример взят из весьма развязного рассказа молодого человека о своих приключениях в больнице. В цитации с прямым дейксисом приводятся слова врача приемного покоя. Из контекста становится очевидно, что слова *фигня* и *чувак* едва ли были элементом исходного речевого события, а возникли в более поздней редакции повествователя:

(44) FS11-sp

60. меня осматривает /хирург,
 61. \говорит:
 62. «/\Ну \фигня,
 63. такое \часто /—бывает,,,
 64. ..сейчас под местным /наркозом мы тебя чувак .. \прооперируем.»

Обнаружение и правильная интерпретация слов и конструкций несобственного лексикона возможны лишь при пристальном семантическом анализе целостных речевых произведений. Смешение речевых портретов исследовалось в русистике как один из признаков непрототипических вариантов цитирования — несобственно-прямой и полупрямой речи. Наиболее подробно оно было изучено на материале художественной литературы как один из намеренных авторских приемов, см., в частности, программное исследование И. И. Ковтуновой [1955/2010]. Однако систематическое, и особенно корпусное, изучение этого явления на материале живой речи еще ожидает своего часа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян, Шмелев 2017 — Апресян В. Ю., Шмелев А. Д. «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское ‘якобы’ // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая — 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23): В 2 т. Т. 2. Москва: Изд-во РГГУ, 2017. С. 17–29. [Apresyan V. Yu., Shmelev A. D. «Xenomarkers» according to the data of parallel corpora and modern mass media: The Russian *yakoby*. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Moskva, 31 maya — 3 iyunya 2017 g.). No. 16 (23): in 2 vol. Vol. 2. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2017. Pp. 17–29.]

- Арутюнова 2000 — Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *de, deskat', mol.* К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Арутюнова Н. Д. (ред.). Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–453. [Arutyunova N. D. The markers of another person's speech *de, deskat', mol.* Towards the problem of interpretation of speech behaviour acts. *Yazyk o yazyke*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000. Pp. 437–453.]
- Брызгунова 1982 — Брызгунова Е. А. Интонация // Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1982. С. 103–118. [Bryzgunova E. A. Intonation. *Russkaya grammatika*. Vol. 1: *Fonetika, fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya*. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 103–118.]
- Кибрик, Подлеская (ред.) 2009 — Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. [Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. (eds.). *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night dream stories: A corpus-based study of Russian spoken discourse]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Кобозева, Захаров 2014 — Кобозева И. М., Захаров Л. М. Просодия как ключ к пониманию смысла и ее искажение в «кривом зеркале» пунктуации // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2014. № 36. С. 27–32. Доступна по адресу: <http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=node/1520>. [Kobozeva I. M., Zakharov L. M. Prosody as a key to sense understanding and its deformation in the «false mirror» of punctuation. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. 2014. No. 36. Pp. 27–32. Available at: <http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=node/1520>.]
- Ковтунова 1955/2010 — Ковтунова И. И. «Несобственно прямая речь» в языке русской литературы конца XVIII — первой половины XIX в. Вступ. ст., прил., указ. А. Г. Грек. М.: Азбуковник, 2010. (Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1955.) [Kovtunova I. I. «*Nesobstvenno pryamaya rech'*» v yazyke russkoi literatury kontsa XVIII — pervoi poloviny XIX v. [«Reported speech» in the language of the Russian literature of the end of the 18th — first half of the 19th c.]. Preface, addendum, index by A. G. Grek. Moscow: Azbukovnik, 2010. (Cand. diss. Moscow, 1955.)]
- Левонтина 2010 — Левонтина И. Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 27–31 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010. С. 284–288. [Levontina I. B. Evidentiality in Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Bekasovo, 27–31 maya 2010 g.). No. 9 (16). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2010. Pp. 284–288.]
- Литвиненко и др. 2009 — Литвиненко А. О., Коротаев Н. А., Кибрик А. А., Подлеская В. И. Конструкции с цитацией, или «чужой речью» // Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 288–309. [Litvinenko A. O., Korotaev N. A., Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. Constructions with citation or «another person's speech». *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa*. Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. (eds.) Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009. Pp. 288–309.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Падучева 1996а — Падучева Е. В. Субъективная модальность: иллокутивные показатели и вводные слова // Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 297–320. [Paducheva E. V. Subjective modality: Illocutionary markers and parenthetical words. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya*. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1996. Pp. 297–320.]
- Падучева 1996б — Падучева Е. В. Несобственная прямая речь и свободный косвенный дискурс // Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 335–353. [Paducheva E. V. Reported speech and free indirect discourse. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya*. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1996. Pp. 335–353.]
- Плунгян 2008 — Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: «мол», «якобы» и другие [Plungian V. A. On the markers of another person's speech and unreliability in Russian: *mol, yakoby*, and others] // Wiemer B., Plungian V. (Hrsg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband, 72.) München: Verlag Otto Sagner, 2008. С. 285–311.
- Подлеская 1987 — Подлеская В. И. Опыт семантического анализа знака препинания (на примере двоеточия в русском языке) // Научно-техническая информация. Серия 2. 1987. № 12. С. 25–28.

- [Podlesskaya V. I. An attempt of semantic analysis of a punctuation mark (the case of colon in Russian). *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*. Ser. 2. 1987. No. 12. Pp. 25–28.]
- Подлеская 2013 — Подлеская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 561–573. [Podlesskaya V. I. Fuzzy nomination in the Russian colloquial language: A corpus-based study. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Bekasovo, 29 maya — 2 iyunya 2013 g.). No. 12 (19). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2013. Pp. 561–573.]
- Подлеская, Егорова 2017 — Подлеская В. И., Егорова М. А. От полнозначного имени к частице: аппроксиматор *tipa* в зеркале корпуса с просодической разметкой // Печенкова Е. В., Фаликман М. В. (ред.). Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции. Москва: Буки Веди, 2017. С. 283–288. [Podlesskaya V. I., Egorova M. A. From notional word to particle: The approximator *tipa* in the mirror of a corpus with prosodic mark-up. *Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya. Materialy konferentsii*. Pechenkova E. V., Falikman M. V. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2017. Pp. 283–288.]
- Подлеская, Кибрик 2009 — Подлеская В. И., Кибрик А. А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 390–395. [Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. Discursive markers in the structure of a spoken story: A corpus-based study. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Bekasovo, 27–31 maya 2009 g.). No. 8 (15). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2009. Pp. 390–395.]
- Урысон 2011 — Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянской культуры, 2011. [Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* [An attempt to describe the semantics of conjunctions]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2011.]
- Янко 2008 — Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. [Yanko T. E. *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Intonation strategies in Russian in the comparative aspect]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Aikhenvald 2008 — Aikhenvald A. Y. Semi-direct speech: Manambu and beyond. *Language Sciences*. 2008. Vol. 30. No. 4. Pp. 383–422.
- Aikhenvald 2011a — Aikhenvald A. Y. Speech reports: A cross-linguistic perspective. *Language at large: Essays on syntax and semantics*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). Brill: Leiden, 2011. Pp. 290–326.
- Aikhenvald 2011b — Aikhenvald A. Y. Semi-direct speech in typological perspective. *Language at large: Essays on syntax and semantics*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). Brill: Leiden, 2011. Pp. 327–368.
- Buchstaller (ed.) 2013 — Buchstaller I. (ed.). *Quotatives: New trends and sociolinguistic implications*. Hoboken (NJ): John Wiley & Sons, 2013.
- Buchstaller, van Alphen (eds.) 2012 — Buchstaller I., van Alphen I. (eds.). *Quotatives: Cross-linguistic and cross-disciplinary perspectives*. Amsterdam: John Benjamins, 2012.
- Coulmas (ed.) 1986 — Coulmas F. (ed.). *Direct and indirect speech*. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 31.) Berlin: De Gruyter Mouton, 1986.
- Evans 2013 — Evans N. Some problems in the typology of quotation: A canonical approach. *Canonical morphology and syntax*. Brown D., Chumakina M., Corbett G. G. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Pp. 66–98.
- Güldemann, von Roncador (eds.) 2002 — Güldemann T., von Roncador M. (eds.). *Reported discourse: A meeting ground for different linguistic domains*. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
- Jansen et al. 2001 — Jansen W., Gregory M. L., Brenier J. M. Prosodic correlates of directly reported speech: Evidence from conversational speech. *Proceedings of the ISCA Workshop on Prosody in Speech Recognition and Understanding*. Red Bank (NJ), 2001. Pp. 77–80.
- Janssen, van der Wurff (eds.) 1996 — Janssen Th. A. J. M., van der Wurff W. (eds.). *Reported speech: Forms and functions of the verb*. Amsterdam: John Benjamins, 1996.
- Kalmanovitch 2015 — Kalmanovitch Y. Jumping out of context — Jumping out of tone. *Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences, Glasgow, 10–14 August 2015*. Available at: <https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2015/Papers/ICPhS0804.pdf>.
- Lobke et al. (eds.) 2012 — Lobke A., Haegeman L., Nye R. (eds.). *Main clause phenomena: New horizons*. (Linguistik Aktuell / Linguistics Today, 190.) Amsterdam: John Benjamins, 2012.

-
- Praat — Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer [Computer program]. Version 5.3.03, retrieved from <http://www.praat.org/>.
- Spokencorpora 2013 — Prosodically Annotated Corpus of Spoken Russian (PrACS-Russ). Pilot version. Available at: <http://spokencorpora.ru>.
- Yokoyama 2013 — Yokoyama O. Sentential stress in written texts: Evidence from literary and dialectal Russian. *Phonological Studies*. 2013. Vol. 16. Pp. 109–115.
- de Vries 2008 — de Vries M. The representation of language within language: A syntactico-pragmatic typology of direct speech. *Studia Linguistica*. 2008. Vol. 62. No. 1. Pp. 39–77.

Получено / received 11.09.2017

Принято / accepted 14.11.2017